

Старый даос Длинные Брови, с радостью на лице, поспешно повёл людей в дом.

Под деревом османтуса остальные переглядывались, насторожив уши, чтобы подслушать.

— ...Этот пульс необычен, изначальный младенец разрушен, но истинная суть не рассеялась. На мой взгляд, вам не о чем беспокоиться, хотя с Чэнь Хэ что-то не так, его жизни ничто не угрожает.

Владыка долины Чёрной Бездны узнал голос Шэнь Юйбая и с усмешкой пробурчал:

— Пф, этот женьшень действительно разбирается в медицине! Что за времена настали, когда лекарственные растения могут быть врачами? Скоро, пожалуй, и котёл для алхимии оживёт и сам начнёт варить эликсиры для вознесения!

— Владыка!

На этот раз все неодобрительно уставились на него.

Владыка долины Чёрной Бездны, с недовольным видом, сложил руки за спиной и отошёл в сторону.

Внутри дома старый даос Длинные Брови всё ещё с тревогой спрашивал:

— Почему Чэнь Хэ так крепко держится за своего старшего брата, без сознания, но дрожит, словно в кошмаре? В чём причина?

— Он съел Небесную жемчужину Иньского пыльного питона?

— Верно...

Ши Фэн хрипло спросил:

— Но эта вещь должна быть редким духовным сокровищем, как она может иметь такой эффект?

Помолчав, Шэнь Юйбай медленно заговорил:

— Это зависит от того, что вы сделали и как Чэнь Хэ проглотил Небесную жемчужину. В теории, Небесная жемчужина Иньского пыльного питона — это свет, рождённый в глубинах энергии обиды, её поглощение ускоряет культивацию в тысячу раз, единственная проблема — это получение трёх жизней воспоминаний Иньского пыльного питона. Рождение, старость, болезнь и смерть, обиды и привязанности могут повлиять на состояние культиватора. Но, как и с лекарствами, есть разница между тем, чтобы проглотить его, ничего не понимая, и тем, чтобы полностью использовать его силу.

— Так ли это?

Сердца всех дрогнули, и они обернулись, чтобы увидеть, что пришёл Король Гу.

Тэн Бо вспомнил того человека, который внезапно появился и с лёгкостью уничтожил Иньского пыльного питона, и почувствовал холод.

Чэнь Хэ оказался в бесконечном тумане дыхания миража.

Большинство воспоминаний были фрагментированными и бесформенными, он мог видеть

только то, как Ли Янь продолжал узнавать о прошлом школы Бэйсюань, незаметно собирая последние следы некогда прославленной, но исчезнувшей секты.

Жемчужина миража, которую Ли Янь получил вначале, явно была не лучшего качества, и после нескольких использований образы становились размытыми, но он всё равно продолжал использовать её, чтобы записывать самое ценное, то, что нельзя забыть.

Когда Ли Янь использовал Жемчужину миража, он всегда был в сознании, тогда как окружающие, дрожа, украдкой смотрели на него, прежде чем осмелиться говорить.

— Старшего брата нет.

— Старший брат давно умер.

Чэнь Хэ отказывался верить в это, он считал, что Ши Фэн просто не нашёл его под Утёсом Касающимся Небес, поэтому старший брат и он из прошлой жизни были просто незнакомцами.

Культиваторы, которые попадали в Долину Чёрной Бездны, не стремились к вознесению, они просто ждали смерти.

Можно сказать, что Ши Фэн умер.

Чэнь Хэ изо всех сил старался сохранять спокойствие, убеждая себя, что хотя временная передача традиций секты заканчивалась смертью предков, но если выбрать передачу силы через просветление, Ши Фэн не умрёт.

— А как с искусством? Как человек без Жемчужины миража, который не может запомнить вещи, как он может культивировать? Почему Ли Янь был так уверен и искусен, превосходя меня, которого учил Ши Фэн?

— Откуда взялся белый Огонь в дереве во время испытания? А истинная суть Уничтожающей Пустоты?

Эти вопросы гудели в голове Чэнь Хэ, в конечном итоге сложившись в правду, которую он не хотел признавать.

Пот выступил на лбу, и Чэнь Хэ, находясь без сознания, изо всех сил цеплялся за Ши Фэна, отказываясь отпустить.

Чэнь Хэ снова увидел знакомое лицо в тумане.

Золотые доспехи, серебряный лук, стоящий на скале, стрела пронзила горло древнего зверя, и огромное тело рухнуло в пыль.

Цзи Чангэ.

Ли Янь медленно сжал Жемчужину миража, его изуродованная половина лица уже зажила, и Чэнь Хэ понял, что к этому времени Ли Янь уже достиг этапа изначального младенца.

Рядом лежал восьмихвостый лис, которого тело древнего зверя сбilo с ног, и он продолжал истекать кровью, его восемь хвостов беспомощно свисали.

— Это чувство... Это культиватор школы Бэйсюань!

Цзи Чангэ был ошеломлён, резко снял шлем и уставился на руины Долины Шуйхуань у подножия скалы, а также на две стороны, всё ещё сражающиеся на скале.

Сквозь восемь тысяч лет давно умерший культиватор пристально смотрел на Ли Яня:

— Ты чей ученик? Старая вражда между горой Футянь и твоей школой Бэйсюань не забыта. Я убил этого лиса в знак благодарности за то, что ты вывел меня из бесконечного круга заблуждений. Поскольку ты достиг позднего этапа изначального младенца, твоя жизнь и смерть больше не касаются меня.

Чэнь Хэ вздрогнул, собираясь что-то сказать, но видение в тумане снова изменилось.

Фрагментированные и разрозненные воспоминания: он видел, как Ли Янь беззаботно сражался среди древних зверей, не так, как Цзи Чангэ, у него не было привязанности к защите Долины Шуйхуань за погибших культиваторов, он не считал, что древние звери в конечном итоге отступят, каждое его движение, даже когда он был серьёзно ранен, казалось обычным поединком.

Он был острым и безрассудным.

Каждый раз, используя Жемчужину миража, он словно запоминал сложного древнего зверя, чтобы потом победить его.

Когда Чэнь Хэ и культиваторы школы Хэло оказались в осколке малого мира, они испытывали шок, отчаяние, радость и печаль, но они верили, что однажды выберутся.

По сравнению с ними, Ли Янь казался крайне странным.

У него не было ни капли страха перед трудностями, единственное изменение заключалось в том, что он выглядел более измождённым, его рваная одежда сменялась раз за разом, когда он обматывал свои раны, его глаза были спокойны, отдыхая на скале, он даже не проявлял беспокойства или тревоги, когда практиковал.

Однажды Цзи Чангэ, наблюдая, как древние звери и культиваторы снова превращаются в пыль, холодно спросил:

— Это осколок малого мира, ты оказался здесь, почему ты совсем не беспокоишься?

Ли Янь не обратил на него внимания, позволяя духовной энергии течь через свои меридианы, завершив цикл практики, он медленно открыл глаза:

— Для меня нет разницы между этим местом и любым другим в мире. Здесь хорошо, никто не мешает, я не хочу уходить.

— Ты?

Цзи Чангэ нахмурился, слегка удивлённый.

— В осколке малого мира время отличается от внешнего мира, я могу провести здесь сотни лет, а снаружи пройдёт всего день. Так зачем мне спешить?

Ли Янь сказал, с лёгкой усмешкой в голосе:

— Я даже должен поблагодарить этого восьмихвостого лиса, который выбрал меня своей

добычей, а потом, обнаружив, что у меня есть истинный огонь самадхи, испугался и не успел убежать, бросив этот осколок малого мира.

— Ты внезапно исчез, разве твои наставники не знают?

Цзи Чангэ холодно посмотрел на Ли Яня, словно ему не нравилось его равнодушие.

— Наставники? Школа Бэйсюань уничтожена, человек, который передал мне знания и спас мне жизнь, уже мёртв. Мир велик, но мне не нужно беспокоиться, что кто-то обо мне вспомнит.

Чэнь Хэ широко открыл глаза, не двигаясь.

Он сам не понимал, почему он не был сломлен этим кошмаром, он всё ещё мог сдерживать всю боль, продолжая слушать, каждое слово он слышал чётко, не теряя ясности.

— Что, школа Бэйсюань уже...

— С момента Войны Великой Скорби прошло восемь тысяч лет.

Ли Янь равнодушно сказал.

Цзи Чангэ вздрогнул, резко поднял голову, его голос стал хриплым:

— Время в осколке малого мира отличается от внешнего, но твоя жизнь всё же ограничена, что? Ты планируешь умереть здесь?

— Это лишь маленький кусочек неба.

Три красные родинки в уголке глаза Ли Яня стали ярче, он словно улыбнулся:

— Путь, который я выбрал, желание, которое я ношу в сердце, в сотни, в тысячи раз сложнее этого. Если я не смогу выбраться отсюда, какое право у меня возноситься в небеса, стать демоном, убивать бессмертных и вмешиваться в Шесть путей перерождения?

Цзи Чангэ замер на мгновение, затем громко рассмеялся:

— Хорошо! Отлично сказано. Древняя Пустошь не виновата, гнев небес, все существа — лишь муравьи! Если будет возможность, убей того бессмертного, который разорвал Долину Шуйхуань, хорошо?

Ли Янь не ответил.

Цзи Чангэ убрал серебряный лук и сказал слово за словом:

— Все эти годы я видел, как ты практикуешь Искусство Бесформенной Пустоты Десяти Тысяч Бедствий школы Бэйсюань, но, похоже, ты не очень понимаешь, как его использовать. Возможно, школа Бэйсюань потеряла это искусство, и даже тот, кто тебя учил, не знал его?

Чэнь Хэ был шокирован больше, чем Ли Янь в его воспоминаниях, он пристально смотрел на Цзи Чангэ, боясь пропустить что-то важное.

— Я расскажу тебе о прошлом школы Бэйсюань, научу тебя стрельбе из лука, только отомсти за Долину Шуйхуань!

Ли Янь медленно встал, сдержав свою гордость, и поклонился:

— Пожалуйста, наставник, научите меня.

Чэнь Хэ видел, как Ли Янь провёл бесчисленные годы, запертый в осколке малого мира, измождённый и покрытый пылью.

Сражаясь с трудом, он изучал Искусство Бесформенной Пустоты Десяти Тысяч Бедствий. Цзи Чангэ не был из школы Бэйсюань, он мог лишь рассказать, как видел, что культиваторы школы Бэйсюань использовали его, но конкретные техники и заклинания он не знал.

<http://bllate.org/book/16345/1478033>